

Несколько солнечных лучей упали мне на лицо, было раннее утро. Прищурившись, я перевернулась, положив ноги на одеяло, и запустила руки в простыни. Я нахмурила брови, прижимаясь к теплым одеялам, после чего внезапно громко чихнула. Этого было достаточно, чтобы шокировать меня и полностью разбудить. Когда я села, то заметила большое количество зеленых перьев, разбросанных по моей кровати.

Что-то было не так...

Я потеряла нос рукавом, случайно попав пушинкой на кончик языка. Я говорю, этот маленький попугай пытался там станцевать стриптиз? Я вспомнила, как закрывала дверь прошлой ночью, так откуда же это взялось? Взглянув на окна, я увидела, что засов был достаточно ослаблен, чтобы оставить щель. В этот самый момент в комнату ворвался ветер. Я была удивлена, что попугай смог пролезть в такую крошечную щель. Неудивительно, что он разбросал повсюду свои перья.

Мое лицо было черным, когда я оделась и подняла одеяло.

“Ха, где мои чулки?”

Я огляделась, шаря руками, даже заглянула под кровать... но там не было никаких признаков их присутствия. Я подозревала, что эта маленькая тварь снова унесла их в клюве. Этот воришка пристрастился к краже моих вещей и был вполне способен на это. Ему понадобились бы конфеты, которые я прятала под подушкой, или моя салфетка для лица, чтобы сделать из нее гнездо. В прошлый раз, когда у меня начались месячные, он даже украл мои хлопчатобумажные полоски ткани, пока Фан Хуа лично не вернул их обратно. Он сказал, что нашел их в своей комнате, к моему большому смущению.

Мой взгляд переместился на птицу, торчащую ко мне задом со стола. В данный момент попугай был занят тем, что наклонялся, чтобы что-то с наслаждением поклевать. Осознание озарило мое лицо, когда я тихо надела туфли и на цыпочках подошла. Протянув одну руку, я схватила его, одновременно подбирая белую ткань, на которую он наступал все это время... так, так, что ты знаешь? Это действительно был один из моих чулков. Попугай становился все смелее и смелее, присваивая такие высококачественные вещи, как эта. Казалось, его даже не волновало, пахнут ли ношенные чулки.

А?

Кажется, что внутри чулка что-то было. Я сохраняла спокойствие, одной рукой надавливая на шевелящуюся птицу, другой скручивая чулок, чтобы явить миру...

...каскад бумажных журавликов. Некоторые были разорваны на куски клювом попугая, другие, казалось, были пропитаны водой и теперь были мягкими на ощупь. Но все они были обернуты оберточной бумагой, и, понюхав их, я уловила слабый аромат сандалового дерева.

“Ты собрал все это?”

Он повернул голову и отказался отвечать.

“Посмотри на свой характер. С таким же успехом я могла бы ошипать и сварить тебя”. - пригрозила я.

Как оказалось, это было неправильно. У этой птицы был характер избалованного ребенка, благодаря своему хозяину.

“Ой, это больно. Ты клюнул меня?! Просто подожди...” - я выбежала, запыхавшись.

Он взмахнул своими маленькими крылышками, одарив меня презрительным взглядом своих зеленых глаз-бусинок, прежде чем нырнуть в щель в окне и исчезнуть из виду. Хм, у него даже хватило наглости смотреть на людей свысока. Что ж, сегодня я сравняю счет.

С растрепанными волосами я выбежала за дверь, топча деревянные полы своими скрипучими шагами. Я могла заметить зеленый перьевой шарик, дико летящий в воздухе, прежде чем развернуться и исчезнуть. Пыхтя и отдуваясь, я прислонилась к двери, чтобы отдышаться, но не могла удержаться, чтобы не оглянуться вокруг. Эта резиденция была не очень большой, но пейзаж был восхитительным. За домами не было ничего, кроме бамбукового леса. Все двери в комнаты были закрыты, и проходы тоже были пусты. На земле осталось только одно перышко.

В этом не было никакой логики. Я не могла себе представить, что он так легко спрятался.

Я подходила к двери за дверью, каждое из бумажных окон было украшено бамбуком, со вкусом и изысканностью разрисованным чернилами. У подножия одного из окон была черепаха, которую я добавила прошлой ночью в порыве поэтического вдохновения, но это была уже другая история. Подождите...

Где была черепаха?

Я подошла к окнам, чтобы посмотреть, но увидела только гигантскую дыру с левой стороны, полностью испортившую мою нарисованную черепаху. Ветер трепал обрывки бумаги и заставлял их дрожать.

Хахаха...

Я мрачно рассмеялась про себя, прежде чем толкнуть дверь. Внутри было тихо, в прекрасной комнате слышался только звук моего дыхания. Аромат сандалового дерева, смешанный со старинным деревом, наполнил мои ноздри, когда я огляделась вокруг. Комната не была ни светлой, ни темной, но наполненной теплом.

Тома книг стояли на деревянном стеллаже, заполняя стены. Кроме того, в огромной комнате были только стол и стул. На стуле висел белый халат, выглядевший почти прозрачным в свете, проникавшем внутрь. Он также осветил очень знакомый силуэт, скрывающийся за ним, потому что снаружи было оставлено перо.

Я тихонько закрыла дверь.

“Проклятия, этот маленький попугай, должно быть, спрятался на деревьях”. - сказала я, медленно глядя на птицу. Затем я отвернула голову в сторону и заговорила снова: “Может быть, мне стоит раздобыть несколько зерен, чтобы выманить его”.

Из-под мантий не доносилось никакого движения.

“Как насчет того, чтобы нарисовать красивого попугая, чтобы соблазнить его для меня?”

Мои глаза вспыхнули, когда я прислонилась к столу, делая вид, что тянусь за кистью. Затем я затаила дыхание и набросилась на свою добычу.

Воцарился хаос, и повсюду полетели перья...

Он яростно взмахнул перьями, пытаясь взлететь, и бросился к книжным полкам, осыпая меня проклятиями. Его слова придали мне еще больше решимости поймать его, и пока мы дрались, книжные полки начали раскачиваться...

Том за томом книги падали вниз... но я не обращала на это внимания, стремясь к своей цели. Когда я снова встала, ряды книжных полок врезались друг в друга, после чего рухнули на землю, подняв огромный слой пыли. Я прикрыла рот рукавом и закашлялась. В комнате царил беспорядок, а на полу валялись горы книг, и я могла видеть маленькую фигурку, передвигающуюся в этом хаосе. Опустившись на колени, я взяла раскрытую книгу и увидела зеленого попугая, ступающего по рулону тонкого, прочного шелка. Он дрожал, глядя на меня своими глазами.

“Что с тобой сейчас не так?” - спросила я добродушно.

Кажется, он был ранен, его тельце дрожало, как будто он не осмеливался пошевелиться. Все еще стоя на коленях, я проявила жалость и взяла его в руки, внимательно осматривая. Хотя он позволял мне делать все, что мне заблагорассудится, его глаза не переставали метаться по сторонам, когда я касалась его головы.

“Эй, эй, где ты получил травму? Твоя бабушка(1) перевяжет тебя”. - поддразнила я попугая. Обычно эта птица бросалась в меня ругательствами своим сквернословящим языком, но на этот раз все было тихо. Похоже, мы оба были из тех, кто издевается над слабыми, боясь сильных. Я поймала один из его коготков и внимательно осмотрела его, после чего оторвала полоску жесткого шелка рядом с ним, готовая связать... нет, на самом деле перевязать его раны.

“Эй, не создавай проблем. Я тебя этим не кормлю, чего ты клюешь...” Я сдернула тряпку, которую он держал в клюве. Внезапно мои глаза что-то заметили, и я не смогла отвести взгляд. Кажется, на поверхности были плотно и убористо написаны символы.

Слова?

Хотя интуиция подсказывала мне не совать свой нос в чужие дела, я не могла оторвать глаз от чтения.

Как оказалось... произошло что-то серьезное.

Что касается того, что именно произошло, то это долгая история. Если бы я знала, что все так обернется, я бы определенно не совершала таких глупых поступков и не говорила таких глупых слов. Мои сожаления впоследствии огорчали меня до глубины души.

Беспорядок в кабинете в настоящее время был слишком трагичным, чтобы на него смотреть. У

этого так называемого попугая по имени Шаоэр во рту был кусок жесткого шелка, поверхность которого была покрыта словами. Странно, что это было? Любопытствуя, я прищурилась, пытаюсь разобрать надпись, бормоча себе под нос, когда читала: “Зверь Фан Хуа - это преимущественно самец...”

В моем сердце внезапно возникло чувство близости, за которым последовал укол боли. Я с шумом выпустила попугая и, кажется, почувствовала, как он пролетел мимо меня. Но я была слишком занята, чтобы обращать внимание на такие вещи, мои глаза были прикованы к этому кусочку шелка. Эти слова было нетрудно понять, но смысл, стоящий за ними, кажется, потряс меня.

Зверь Фан Хуа...

Я повторила эти три слова, чувствуя, как учащенно бьется мое сердце. Зажимая шелк между пальцами, я читала его строчку за строчкой, чувствуя все большее и большее потрясение по мере чтения. Казалось, будто я раскрыла какую-то великую тайну, достаточную, чтобы охладить все мое тело. Я долго не могла успокоиться.

Родинка в форме слезинки в уголке одного глаза, источает сладкий аромат круглый год, внешность, напоминающая красивого мужчину, играет с растениями и наслаждается поеданием цветов, шелк, объясняющий все особенности Зверя Фан Хуа. Мои брови нахмурились, когда я озадачилась этим. Фан Хуа действительно был очень похож на это... хотя я не могла знать, всегда ли он ел цветы круглый год, так как сейчас он почти ничего не ел, так как был болен.

Но, возможно, это была просто легенда. Кто бы мог поверить, что Дерево Фан Хуа может обрести человеческую форму и вырасти таким большим? Я даже раньше не видела монстров или чудовищ.

Опустив голову, я потрогала шелк. Текстура была приятной, вероятно, идеально подходящей для того, чтобы сморкаться в качестве ежедневного носового платка. Жаль, что поверхность была заполнена словами. Позже мне придется спросить Фан Хуа, где он купил это барахло. Размышляя таким образом, я спрятала кусочек шелка под свою мантию. Может быть, я слишком долго сидела на корточках, потому что мои ноги онемели. Как только я встала, кровь хлынула вниз, и у меня закружилась голова. Я закрыла глаза, и в моем сознании возник образ Фан Хуа, скручивающего стебли цветущего лотоса, чтобы съесть их. Туманный образ был облачен в одеяние из белого шелка, что придавало ему элегантности. Его похожие на нефрит пальцы были длинными и тонкими, они покоились под изящным красным лотосом, прежде чем поднести его ко рту. Эти губы изогнулись, как будто он ел самую вкусную еду в мире...

Мои глаза внезапно распахнулись.

Почему такой образ внезапно возник в моей голове? И даже один из них, где он ест цветок лотоса?

Моя голова отяжелела, и я ухватила за деревянный стол, чтобы не упасть. Могло ли это быть... что он на самом деле был Зверем Фан Хуа? Не это ли могло быть причиной того, что он покинул императорский гарем? Во дворце было много людей, и им нравилось трепать языками. Более того, злым заговорам нравилось следовать по стопам императора. Если бы кто-нибудь узнал, что он не был человеком и у него был роман с Хань Цычуанем, его бы прогнали, даже

если бы он не хотел уходить.

Если бы это было так... тогда это правда большая жалость.

Я закрыла и снова открыла глаза, внезапно кое-что вспомнив. Я снова вытащила шелк из своей мантии и продолжила читать... девять символов выпрыгнули с поверхности и, казалось, расширились перед моим взором. Каллиграфия была нежной и тонкой, как будто прибитой гвоздями к шелку: цвет родинки Зверя бледнее, когда он моложе, но естественным образом темнеет до черновато-красного, темно-красного и черного как смоль, после чего Зверь Фан Хуа умирает.

У меня перехватило дыхание, я была не в силах пошевелиться. Это было крайне неудобно, и мое сердце, казалось, горело в груди. Я не знала, что это было за чувство, только то, что оно было ни с чем не сравнимо горьким... возможно, это было то, что они называли печалью.

Как странно. Сделав глубокий вдох, я покачала головой, удивляясь, почему я так себя чувствую. Я энергично потерла глаза рукавом, не в силах поверить, что влага появилась от бессознательных слез. В какой-то момент на душе у меня стало совсем неудобно. С того момента, как я очнулась здесь, родинка под глазом господина Хуа была довольно темной. Она не должна была быть черновато-красной, так что это означало...

Я втянула воздух, отворачиваясь, чтобы посмотреть в окно. Моя рука сжала кусок шелка, в то время как я не издавала ни звука. Те чувства в моем сердце, которые я не могла понять... какое это имело значение, если он умрет? Я познакомилась с ним совсем недавно, вот и все. Нас совершенно ничего не связывало.

Я наклонилась, чтобы подумать, решив засунуть шелк в какую-нибудь случайную книгу и притвориться, что никогда ее не читала. Прежде чем выйти из комнаты, я огляделась, гадая, когда попугай ускользнул...

Я осмотрела беспорядочные книги и перевернутые книжные шкафы в комнате, прежде чем героически перешагнуть через беспорядок и выйти из комнаты, закрыв за собой дверь. Отряхнув пыль с одежды, я вела себя так, как будто ничего не произошло, прежде чем неторопливо вернуться в свою комнату, чтобы вздремнуть. После пробуждения мне стало довольно скучно, поэтому я с радостью отправилась на поиски Фан Хуа. Как оказалось, он нашел меня первым.

Раздался тяжелый звук удара.

Дверь сотрясалась от его повторяющихся ударов ногами, достаточно, чтобы отряхнуть грязь с карниза. Он стоял за дверью, его настроение несколько улучшилось, поскольку в левой руке он держал кувшин с вином.

“Этот, как тебя зовут... помоги мне перенести это”. - как только он увидел меня, он начал мной командовать.

‘Как тебя зовут?!’ Он не мог просить меня носить вино, я не могла выполнять тяжелую работу. Улыбаясь, он наклонился набок, прежде чем многозначительно взглянуть на меня и войти в комнату, таща за собой вино. Как оказалось, он действительно не ожидал, что я понесу вино. Только после того, как он вошел, я поняла, что место, где он стоял, было завалено книгами,

кистями, чернильными камнями и плитками... в осколках на земле. Если бы я знала об этом раньше, я бы пошла вместо этого переносить кувшины с вином. Мне потребовались почти все мои силы, чтобы закончить уносить все прочь. Фан Хуа уже бодро стоял за столом, выводя слова кисточкой, издавая насыщенный и деликатно опьяняющий запах.

"Господин Хуа, ты, кажется, сегодня в эстетическом настроении".

"Конечно." - он подумал, что я его хвалю, и изобразил самую изысканную улыбку: "Помоги мне растереть немного чернил".

Я заскрежетала зубами. Эй... этот парень действительно пользовался всеми слабостями. Если бы не вино, он бы не осмелился просить меня даже о небольших одолжениях для него. Хорошо... это было неправильно.

"Господин Хуа". - нахмурилась я, наклоняясь над столом, чтобы любезно напомнить ему: "Если я не ошибаюсь, это моя комната?"

Он остановил свою кисть, лишь слегка повернувшись, чтобы посмотреть на меня: "Тогда все в порядке, если вместо этого ты отнесешь мои вещи в кабинет".

В кабинет?!

Кабинет... был неподходящим местом для посещения... не после того, как я устроила беспорядок внутри. Вероятно, там даже не было места для того, чтобы человек мог встать. Узнал ли этот человек заранее и пришел придрататься ко мне?

"Это верно". - он взглянул на меня сияющими глазами: "Я не видел Шаоэр (попугая) весь день, а ты?"

Мое раздражение внезапно значительно утихло, когда я послушно наклонила голову, чтобы растереть ему чернила. Что, если драгоценный попугай Фан Хуа попал в беду после того, как вырвался из моих лап? Я долго чувствовала себя неловко и суежилась, прежде чем украдкой взглянуть на него. Казалось, он не возражал против того, что я не ответила.

Забудь об этом, я не буду спрашивать его, почему он не пошел в свой собственный кабинет, чтобы рисовать и писать. Я прикинула, что он просто скажет, что только в моей комнате есть письменный стол или что-то в этом роде. Тот, что был в его комнате, нельзя было назвать письменным столом, скорее это был туалетный столик.

Я терпела.

В любом случае... все комнаты в этом доме принадлежали ему. Я поддерживала рукой свою голову, пока растирала для него чернила. Однако мое сердце было не в этом, мои глаза были слишком сосредоточены на красной каплевидной родинке под его глазом. Она придавала ему вид плачущего...

На той кусочке шелка было написано, что цвет родинки Зверя бледнее, когда он моложе, но

естественным образом потемнеет до черновато-красного, темно-красного и черного как смоль, после чего Зверь Фан Хуа умрет. Поразмыслив над этим некоторое время, я перестала двигать рукой и замерла.

“Чернил больше нет”. - легкий, неторопливый голос проплыл над моей головой.

"Ой."

“О чем ты думаешь?”

Моя голова была опущена, когда я закатывала рукава, капая чистой водой на чернильницу. Затем я вытащила чернильный камень на поверхность, чтобы растереть, вся взволнованная, и торопливо сказала: “Мне было интересно, когда ты умрешь”.

После этой реплики он выдавил печальную улыбку, которая коснулась его глаз и сделала его лицо пепельно-бледным. Это было хуже, чем полное отсутствие улыбки, и заставляло родинку у его глаза выделяться, как цветок сливы среди снега, - жестокая, но глубокая красота. Я растерялась, после чего добавила: “Ты знаешь... я, я не это имела в виду”.

Его улыбка была легкой, но он прекратил движения кисти и не сказал ни слова.

Я не хотела проклинать его до смерти. Просто... просто я не хотела верить словам на шелке. Если они были правдой, то у прекрасного мужчины передо мной оставалось не так уж много времени. Тишина в комнате была немного ненормальной. Я знала, что была неправа, и продолжала растирать чернила, опустив голову. Хотя я делала осторожные движения чернильной палочкой, мои руки все еще дрожали.

На самом деле... Я сожалела так сильно, что мне даже захотелось вырвать себе язык.

“Прошло уже так много времени, но я все еще не умер. Я побеспокоил тебя.”

Фан Хуа отложил кисть в сторону и лениво откинулся на спинку стула, глядя на меня. Он почти ничего не сказал, но налил себе вина и медленно понюхал его, тихо сказав: “Это было вино, которое мы сварили вместе некоторое время назад, хочешь чашечку?”

Я ее не взяла.

Он улыбнулся, слегка приподняв брови, после чего опустошил всю чашку и снова наполнил ее. В его глазах был намек на неопишемую печаль, а брови казались довольно опустошенными.

“Не пей так много...” - в растерянности я могла только беспомощно наблюдать за ним.

“В этом нет ничего плохого”. - мягко сказал он, прежде чем прикрыть рот правой рукой. Было нетрудно заметить, что он подавился вином, достаточно, чтобы закашляться, пока на его белом лице не появился намек на румянец.

“Почему ты так страдаешь, сражаясь со своим телом подобным образом?” - мой голос был

тихим и слабым. В последнее время тело Фан Хуа ослабло, но он пил больше, чем раньше. Совсем недавно его белоснежные одежды были испачканы алкоголем, все его тело пахло ароматом цветов, смешанным с вином. Я не могла больше смотреть и протянула руку, чтобы отобрать у него кувшин.

“Немного вина поднимает настроение”. - он засучил рукава и вернул его обратно.

“...ты пьешь как бык”.

Он не столько пил вино, сколько разливал его по чашам. Мне хотелось негодовать и смеяться одновременно, но я не могла понять, что с ним делать.

“Может, я и пью как бык, но элегантное питье идет от сердца”. - его брови сдвинулись так, что вызвали сочувствие, одна рука покачивалась, указывая на его голову. Эти бледные пальцы с силой вцепились в переднюю часть его мантии, когда он взглянул на нее, после чего он повалился вперед на стол. Его тело расслабилось, изящные пальцы сжали чашу с вином, когда он сделал вдох, чтобы перевернуться на спину. Уставившись на балки крыши, он рассмеялся: “У меня нет сердца, так почему меня это должно так сильно волновать? Ты живешь этой жизнью только один раз, так что живи так, чтобы твое сердце было счастливым”.

Закончив, он посмотрел на меня, изящные брови и аккуратные волосы обрамляли пару длинных и узких глаз, полузакрытых от опьянения. Золотой солнечный свет из окна падал на его тело и, казалось, образовывал свой собственный отдельный слой, делая его таким же красивым, как картина.

Мой взгляд смягчился.

Этот человек всегда поступал именно так, как ему хотелось. С самого начала я никогда не принимала во внимание его проницательность или опыт.

“Одному человеку одиноко пить. Почему бы тебе не выпить со мной чашечку?” - ему с трудом удалось приподняться, его одежда все еще была в некотором порядке. Он удобно развалился на столе и потянулся, чтобы схватить меня. Я замерла, прежде чем покачать головой. Он плохо переносил выпивку. Если я напьюсь с ним, кто потом о нем позаботится? Фан Хуа с трудом справился с собой, когда посмотрел на меня, после чего слегка улыбнулся и подпер голову рукой. Накинув на себя мантию, он повернулся в сторону, обнял кувшин с вином на свои колени и отстранился...

Кажется, он о чем-то думал или, возможно, предавался воспоминаниям. Вероятно, он вспоминал свои прекрасные дни при императорском дворе, может быть, когда Хань Цзычуань проводил ночи, выпивая с ним...

“Не пей больше”. - я поймала его за руку и сделала паузу: “Холодное вино повредит организму”.

Уголки его тонких губ приподнялись, впиваясь в кожу в беспомощной улыбке, но такой трагичной...

Вздохнув, я приподняла мантию, после чего села рядом с ним, спокойно наблюдая за ним, и

одновременно забрала кувшин с вином из его рук. Он слегка посопровтивлялся, прежде чем позволить мне забрать его.

“В последнее время я постоянно вспоминаю события из прошлого днем и ночью... Я думаю, что на самом деле я сожалею”.

Простой и честный голос поднялся, смешанный с тонами пьяного оцепенения, и поплыл в воздухе, нежный, но почему-то удушающий. Все мое тело напряглось, внезапно ощутив тяжесть на плече. Я посмотрела и увидела, что он выглядит усталым, его голова покоится на моем плече. Его глаза были закрыты, а лицо смертельно бледным. Воздух вокруг нас стал двусмысленным, и мои беспомощные конечности оставались на месте, пока я сидела прямо, пытаюсь придумать тему для разговора, чтобы развеять это ненормальное настроение. Но смысл моих слов изменился, как только они слетели с моих губ.

“У императора более высокая толерантность к алкоголю, чем у тебя, он бы не напился так быстро”.

“Ун”.

“Хань Цзычуань выглядит так, будто с ним трудно разговаривать, но он хороший человек. Точно так же, как слуги говорят, что он с легкостью бросается словами, но относится к людям разумно, согласно своим намерениям, так что вы должны сблизиться с ним, прежде чем он будет хорошо относиться к вам”.

“Ун”. - казалось, он устал, усталость легла на его веки: “Хань Цзычуань любит женщин, ты ему нравишься”. Я замолчала, мои нервы были достаточно напряжены, чтобы взорваться. Теперь атмосфера была еще более странной, чем раньше.

Я внезапно поднялась на ноги: “Дрова еще не наколоты, я пойду это сделаю”.

Он потянул меня за руку, тихо сказав: “В этом нет необходимости”.

“Ах... одежда. Вчерашние ночные халаты все еще замочены в воде, и их нужно постирать, я отнесу их к ручью”.

“Когда я когда-нибудь позволял тебе идти стирать одежду?” - он поднял голову, чтобы посмотреть на меня, просунув свою руку сквозь мои пальцы в знак нежной заботы.

Верно. Я была права.

В то время как он был болен и говорил, что я забочусь о нем, он все еще выполнял такого рода работу по дому. Его лекарство... вместо этого большая его часть попадала мне в желудок. В один момент я в полной мере ощутила угрызения своей совести.

“Т-т-тебе пора принять лекарство, я посмотрю, закипело ли оно”. - я была так переполнена, что моя шея начала краснеть. Я не могла решить, куда деть руки и ноги, но ему удалось схватить меня за мантию, когда он растянулся на столе, его лицо было красным от опьянения. Он встал и резко дернул... и в следующее мгновение от неожиданности прижал меня к земле. Тело, пропитанное парами алкоголя, навалилось на меня, и руки, которые он прижал к моей

голове, болели от приложенной к ним силы.

“Небеса поведали мне, что я встречу кого-то, кто сможет быть рядом со мной всю мою жизнь в этом воплощении. Я твердо верил в это, без всяких сомнений”. - он медленно придвинулся ближе ко мне, протягивая руку, чтобы погладить мою щеку, пока он смотрел. Родинка под его глазом все еще напоминала красную слезинку: “Я уже убедился в этом своими глазами. Ты явно любишь меня, но просто не осознаешь этого”. Ему хотелось плакать, но он продолжал говорить. Я тебя не виню. Правда.

В этот момент он крепко держал меня в своих объятиях, его горячее дыхание касалось моей шеи. Мое сердце было на грани остановки, настолько встревоженной и растерянной я себя чувствовала. Тем не менее, мои глаза смягчились, когда он прошептал имя человека мне на ухо. Три тихих слога были подобны ковшу холодной воды, льющейся вниз до тех пор, пока у меня не похолодели руки и ноги.

“Ты принял меня за кого-то другого”. - я с силой оттолкнула его в сторону. Он оперся рукой о землю и отвернулся, чтобы приглушить кашель рукавами. Кажется, это причиняло ему боль, но он только беспомощно улыбнулся.

“...господин Хуа, с тобой все в порядке?” - я не могла удержаться, чтобы не подойти поближе, чтобы получше рассмотреть.

И все же он внезапно снова схватил меня за руку, притягивая к себе. Он был так пьян, что даже не мог больше различать людей. Его голова покоилась на моих плечах, черные волосы струились по моей шее, когда его теплое тело крепко обнимало меня. Слово за словом, он заговорил.

“Не оставляй меня”.

В наших объятиях я слышала, как колотится сердце, но не могла сказать, было ли это его или мое... Сладковатый аромат алкоголя заполнил наши ноздри. Мое сердце совсем не было счастливым, но медленно возвращалось в свое спокойное состояние. Как только он выпивал, он начинал нести чушь. В прошлый раз, когда он напился, он даже погнался за попугаем, назвав его Шаоэр и сказав, что пришло время ее искупать. Но на этот раз я ясно расслышала имя, которое он произнес...

Фан Хуа уже закрыл глаза и заснул у меня на коленях. Он прижал мои руки к своей груди, в этих белоснежных одеждах виднелся намек на голубые одежды внутри. Его опущенные ресницы поймали теплый свет и использовали его, чтобы скрыть выражение его лица.

Неужели он подумал, что я "тот" человек?

Этот дурак на самом деле испытывал глубокие чувства, но так трудно было ненавидеть его за это.

За окном ветер шумел в бамбуке, вызывая траурные крики ласточек. Это звучало так, как будто кто-то плакал...

Я украдкой взглянула на его сдвинутые брови, на это исключительное отчаяние на его спящих чертах, и мое сердце заколотилось вверх-вниз. Меня мучила нечистая совесть. Этот человек заслуживал, чтобы кто-то тоже любил его. В течение оставшихся дней я сделаю все, чтобы относиться к нему лучше.

(1) gunainai (гуняйнай) — гуняйнай. По-видимому, говорится женщиной, когда она ссорится. Способ называть себя старшим или превосходящим по отношению к другой стороне.

<http://tl.rulate.ru/book/80096/2734215>